

УДК 3.09-821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/49/10

В.Ю. Баль

ОБРАЗ ЧИЧИКОВА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

В статье рассматривается рецепция образа Чичикова, героя гоголевской поэмы «Мертвые души», в современной русской прозе конца XX – начала XXI в. Привлекаются произведения, в которых важная смыслообразующая роль принадлежит сюжетно-мотивным и тематическим комплексам, сопутствующим образу Чичикова. Определяются социокультурные причины обращения современных писателей к образу Чичикова. Предлагается рецептивная модель гоголевского чичиковского сюжета в современной прозе, в которой ядро организовано оппозицией образов пророк – трикстер, их архетипическими и современными характеристиками.

Ключевые слова: Н.В. Гоголь, поэма «Мертвые души», образ Чичикова, рецептивная эстетика, трикстер.

Имя Чичикова уже давно стало нарицательным и узнаваемым широкой аудиторией. Исследования языка современной прессы, активно использующей прецедентные феномены из русской классики, показывают, что Чичиков имеет наибольшую популярность среди остальных гоголевских персонажей [1. С. 115]. Традиционно образ Чичикова, выступающий символом мошенничества, лживости, лести, лицемерия, используется как средство для отрицательной оценки деятельности современных политиков и предпринимателей. Но подобная интерпретация не исчерпывает всех возможностей семантического поля образа героя гоголевской поэмы в современной русской литературе рубежа XX–XXI вв.

Первым условием для рассмотрения рецептивной модели образа Чичикова, организующего чичиковский сюжет, является определение исходной точки, связанной непосредственно с гоголевским текстом. Оознавательными маркерами сюжета, помимо образа Чичикова как «приобретателя» нового типа, стали связанные с ним топос дороги и образы-символы возницы, брички, птицы-тройки, шкатулки, живой и мертвой души. Также важная особенность чичиковского сюжета – его сопряженность в поэме с емкой композиционной структурой, дающей возможность совмещения повествовательно-сатирических и лирических начал, социально-аналитических и метафизических смыслов.

Главным содержанием образа Чичикова как героя, связанного со всеми уровнями поэтики поэмы, является его представление как национального сверхтипа. С одной стороны, образ Чичикова имеет архетипические корни. Исследователи С.А. Гончаров [2], А.Х. Гольденберг [3], М. Вайскопф [4] подчеркивают, что мифологическая основа образа героя восходит к архетипической фигуре трикстера. Ген трикстера определяет амбивалентную сущность гоголевского героя. Как отмечает А.Х. Гольденберг, сюжет антихриста, имитирующего деяния апостола, оттеняет заложенный в образе Чичикова морально-философский пласт смыслов, связанный с темой апостольских по-

сланий Павла. Наряду с этим обе мифологические ипостаси в образе героя часто представлены окруженными шлейфом «травестийных ассоциаций» [3. С. 131]. А.Х. Гольденберг подчеркивает, что присутствующий в образе Чичикова мотив мессии, избавителя от смерти, лишь к концу поэмы переходит на высокий символично-метафорический уровень, редуцировав комический модус. Общим местом в гоголеведении являются также наблюдения Д.С. Мережковского [5], В. Набокова [6], которые inferнальное начало в образе Чичикова связывают с темой дегероизации мирового зла. По наблюдениям же М. Вайскопфа [4] и М.Е. Мелетинского [7], тема деградации мирового зла у Гоголя сведена до темы деградации национальной жизни. Иными словами, дьявольское начало в лице Чичикова искушает, играя не на амбициозных притязаниях человека на бессмертие, не на стремлении к бунту в масштабах всего мироздания, а на прагматичных амбициях не упустить свою выгоду в ситуации сбоя работы аппарата государственно-административного управления.

С другой стороны, Чичиков воплощает черты героя Нового времени, который являет определенный социально-исторический тип и отражает гоголевские эстетические размышления о герое времени в «переходной» литературной ситуации 1830–1840-х гг. Не только образ Чичикова, но и персонаж второй части поэмы – Костанжогло открывают в русской литературе галерею «деловых людей» как новый социально-психологический тип, идущий на смену «лишним» и «маленьким» людям. Именно Гоголь, обратившись к новому типу личности, был первым в русской литературе, кто обозначил необходимость соотнесения её мировоззренческих основ как с общечеловеческими ценностями, так и с национальными традициями. Эта гоголевская установка органично коррелировала с общими историко-литературными, социально-историческими и экономическими тенденциями эпохи в «период самоидентификации русской нации, когда Россия начинает осознавать свою значимость, вырабатывать собственную систему ценностей, осознавать своеобразие характерных для нее форм общежития» [8. С. 126]. В.А. Бондаренко, проанализировав корпус художественных произведений классиков и писателей беллетристов, отмечает, что «Гоголь один из первых в русской литературе разграничил понятия "делец" (герой авантюрист, создающий капитал нечестным путем) и "деловой человек", активный персонаж, заботящийся о благе других, наделенный совестью» [9. С. 8], а гоголевский Чичиков – это одна из самых первых попыток создания образа «делового человека» в русской литературе, которая успехом не увенчалась, так как была обозначена принципиальная несводимость качеств «дельца» и «делового человека».

Таким образом, в образе Чичикова осуществляется переход от типизации к символизации, который определяет национально-миссионерский пафос поэмы. Пафос, который существует в зазоре между образами дельца-предпринимателя и праведника, темами духовной деградации нации и духовного возрождения, определяет смысловое содержание чичиковского сюжета в поэме «Мертвые души».

Вторым условием для выявления рецептивных моделей образа Чичикова и чичиковского сюжета в современной русской прозе является определение корпуса текстов, репрезентативных и продуктивных для данной исследова-

тельской цели. В рамках данной статьи в исследовательский оборот были включены обнаруженные нами тексты, которые содержат очевидный «гоголевский текст» поэмы «Мертвые души». Все выявленные тексты можно разделить на три группы. **Первая группа** – это публицистические тексты (Б. Парамонов. «Возвращение Чичикова» (1991), А. Латынина. «"Патент на благородство": выдаст ли его литература капиталу?» (1993), В. Пьецух. «Русаки» (2007), В. Елистратов «Чичиков и ипотечное кредитование: к метафизике финансового кризиса» (2009), которые сосредоточены на осмыслении проблемы востребованности чичиковского типа в новой российской социально-экономической реальности. **Вторая группа** – это художественные тексты первого постперестроечного десятилетия (Б. Кенжеев. «Иван Безуглов. Мещанский роман» (1993) и А. Уткин. «Самоучки» (1998), являющие первые попытки осмысления «настоящего» времени и его героя. Они представляют интерес для нашего исследования, так как содержат аллюзии на образ Чичикова и чичиковский сюжет. **Третья группа** – это художественные тексты первой трети XXI в., которых объединяет, с одной стороны, проблема «героя времени» в ситуации непрекращающегося духовного, исторического, социального и экономического кризиса современной российской жизни, с другой стороны, значимость текста гоголевской поэмы в их смысловом пространстве (О. Славникова. «Бессмертный» (2001), Я. Вееров. «Господин Чичиков» (2012), А. Иванов. «Блуда и МУДО» (2011), В. Шаров. «Возвращение в Египет» (2013).

Разговор о рецепции образа Чичикова в русской прозе рубежа XX–XXI вв. следует начать с указания факта его триумфального возвращения в общественное российское сознание, который нашел отражение в публицистике. Б.М. Парамонов в статье «Возвращение Чичикова» (1991) в «Независимой газете» подчеркнул, что это не столько возвращение, сколько «реабилитация»: «...бессмертие Чичикова в том, что он в России все еще остается перспективным героем, до сих пор не реализовался как следует <...> Павел Иванович действительно нужный России человек; мы наконец-то подошли к краю такого понимания <...>» [10. С. 8]. Плутовство героя и связанная с ним предприимчивость рассматриваются публицистом как положительное качество, почти граничащее с добродетелью: «Капитализм – это деньги, а деньги – это знаки, требующие умения играть с ними. Человек же, как известно, – существо, выдумывающее знаки, это его родовая характеристика; если угодно, это характеристика культуры как таковой. <...> И это уже прекрасная тайна человека – как он умеет из знаков создавать реальность, из биржевых индексов – хорошую жизнь. Этой тайной владеет математика – и Павел Иванович Чичиков. Мы с ним не пропадем. Он умеет жить и дает жить другим» [10. С. 8]. Эта иронично-подстрекательская статья Б.М. Парамонова во многом предвосхитила общее настроение передовой российской прессы, которая настойчиво чувствовала последователей Чичикова, новых миллионщиков эпохи 90-х. Более того, подобный взгляд на фигуру Чичикова не потерял своей актуальности спустя два десятилетия, но и получил расширенное толкование с учетом новых культурно-экономических реалий. В. Пьецух в статье «Русски», в части «Возвращение Чичикова», иронично отмечает, что опять оказался востребован «чисто русский феномен Чичикова, то есть симпатичного жу-

лика, расчетливого пройдохи, впрочем, патриотически настроенного и не без души, который умеет делать деньги из ничего» [11]. Также яркий пример является статья В. Елистратова, опубликованная в год гоголевского 200-летнего юбилея, в которой говорится, что Чичиков – это «человек той эпохи, которую мы зовем пост- (может быть, вернее: постпост-) индустриальной. <...> Павел Иванович, так сказать, чистый, "онтологический" брокер конца XX – начала XXI века. Некий протоброкер (он же – протодилер, проториелтор и т.д.) <...> Ему не нужна схема "деньги – товар – деньги", не нужна та самая прибавочная стоимость, из-за которой впоследствии, в XX веке, было пролито столько крови, ему не нужно никого эксплуатировать, его не интересует товар: он перекачивает пустоту» [12].

В начале 90-х также разгорелась болезненная дискуссия на тему упущенного героя русской литературы, в которой не последнее место занимала фигура «отрицательного» Чичикова. Одним из ярких свидетельств этой полемики является статья критика и публициста Ю. Латыниной «"Патент на благородство": выдаст ли его литература капиталу?» [13]. Эта статья – ответ на обрушившийся шквал упреков со стороны прессы в адрес русской литературы в её антибуржуазном, антинакопительском и антимещанском пафосе, который оболгал «предпринимателя, промышленника, человека дела – единственную силу, способную вывести страну на путь европейского развития» [13]. Одним из выводов статьи является утверждение о невозможности изменения вектора русской литературы даже в новых социально-экономических условиях: «...литература не откликнется на раздающиеся тут и там призывы исправить вековую ошибку русской классики, а также искупить грех соцреализма и изобразить наконец во всей его привлекательности подлинного радателя прогресса – предпринимателя и бизнесмена» [Там же].

Таким образом, в публицистике рецепция образа Чичикова была связана со следующими направлениями. С одной стороны, это размышления о наступлении новой чичиковской действительности в России, с её меняющейся в 90-е гг. экономикой и возникающим новым типом «приобретателя», процветающего на стезе экономического мошенничества. С другой стороны, дискуссия о роли литературы в постперестроечный период, которая испытывала беспомощность при выполнении своей традиционной задачи являть «антропологические типы» в совершенно новой реальности.

Несмотря на актуализацию в первое постперестроечное десятилетие темы новых «хозяев жизни», сюжет «праведного накопления богатства» не стал магистральным в современной русской литературе. Но в то же самое время «новые миллионщики» и новые политики, занявшие видные позиции на арене экономической и социально-политической жизни страны, наводнили массовую литературу рубежа XX–XXI вв., авторы которой пытались зафиксировать коллективный портрет постперестроечной эпохи. Как отмечает О. Славникова, «...грубое сырье сегодняшнего дня брала в работу только принципиально тленная коммерческая литература» [14], так как лихое состояние постперестроечного пространства и время «...плохо поддавалось художественному обобщению серьезных мастеров» [Там же]. И совершенно очевидно, что герои массовых жанров, криминальных триллеров и детективов не восходят генетически к образу героя гоголевской поэмы, и в произведениях массового

жанра оказались не востребованы сюжетные звенья чичиковского сюжета. Но отстоят от этого массового бульварного чтения романы Б. Кенжеева «Иван Безуглов. Мещанский роман» (1993) и А. Уткина «Самоучки» (1998), изображающие современного предпринимателя с аллюзиями на гоголевский текст поэмы «Мертвые души».

Образы главных героев в обоих произведениях, Иван Безуглов в романе Кенжеева и Павел Разуваев в романе Уткина, являющие вариацию на тему предпринимателя в новой социально-экономической российской реальности, лишены метафизических и архетипических смыслов. Авторская ирония в романе «Иван Безуглов. Мещанский роман» определяет принципы изображения идеального образа российского предпринимателя, который занят «превращением его несчастной, разоренной коммунистами страны в процветающую державу» [15. С. 63]. Ирония вместе с жанровой традицией мещанского романа позволяет представить слащавую версию «героя времени», который должен «вселить надежды на водворение благополучия, воплотить мечту о личностях, вполне свободных экономически и морально» [16]. Герой романа А. Уткина, Павел Разуваев, «типичный новый русский», который «нажился случайно, как это тогда произошло со многими» [18]. Павел Разуваев – это представитель поколения «самоучек», которое наивно пытается в лихое российское десятилетие обрести четкие ориентиры для существования в культуре.

Обоим героям сопутствуют такие элементы чичиковского сюжета, как образ дороги и возницы. Но пространственное перемещение обоих героев в основном связано с Москвой. В произведениях нет выхода на обширные национальные просторы, которые могли бы дать панорамный охват национального мира. У Кенжеева герой «предпочитает прямо у крыльца особняка садиться в свой черный лайковый "Кадилак", едва ли не единственный в Москве, в котором и приходилось ему колесить по всей огромной, неряшливо застроенной столице России» [15. С. 62]. Ироничную «подсветку» имеет номинация сопровождающих кенжеевского героя персонажей. У телохранителей апостольские имена – Андрей и Павел, а водитель – Василий Андреевич Жуковский, который примыкает к ряду преданных соратников, имеющих также литературные имена: вице-президент фирмы – Федор Иванович Тютчев, главный бухгалтер – Евгений Абрамович Боратынский, юрист компании – Михаил Юрьевич Лермонтов. Важной деталью в произведении Кенжеева является музыкальный фон образа дороги, который также содержит элемент иронии над национальным «сверхтопосом». Герой колесит по Москве в своем «Кадилаке» под «божественные звуки первой симфонии Чайковского» [Там же. С. 63]. Музыкальная аллюзия на симфонию, отразившую впечатления композитора от необъятности национальных просторов, дорог, пытающихся их пересечь, картин праздничных национальных гуляний, выступает ироничным контрастом к дорожным московским маршрутам героя, претендующего на роль спасителя своей «державы». Во многом эта пространственная замкнутость выявляет ограниченность национального кругозора героя Кенжеева. Герой, определяющий себя как «безнадежно русский», демонстрирует крайне поверхностное представление о своей стране и ее жителях, а его лирические признания полны наивных штампов.

Герой романа «Самоучки» А. Уткина тоже колесит только по Москве в своей машине с водителем Чапой и другом-историком, который просвещает его, пересказывая русскую классику. Мир Павла Разуваева – это мир криминальных разборок. Имя водителя, этимологически связанное с жаргонным словом «чапать» – ходить, верный знак трагического финала жизни Павла Разуваева, погибающего от рук бандитов. Криминальная предопределённость судьбы героя заложена также в его фамилии, которая по одной из версий восходит к слову разувай – загородный кабак, где грабят [18]. Восприятие классики в пересказе происходит по закону «наивного реализма», что и определяет её несостоятельность дать герою ответы на мучительные вопросы о смысле своего существования в новой исторической реальности. «Неначитанный» Павел Разуваев дает положительную характеристику только двум героям, Чичикову и Лопахину, определяя их как «нормальных» [Там же], в отличие от остальных – «психованных» [Там же]. А отзыв, данный Чичикову, во многом вторит дискуссии в публицистике, которая была освещена ранее в нашей статье. Гоголевский Чичиков представляется Разуваеву совершенно реальным лицом. Он узнает в нём «сибирского кореша», бизнес которого был связан с покупкой прогоревших банков. Подобная рецепция становится верным свидетельством бессмертия чичиковского предпринимательского духа и нового этапа его «развития» в постперестроечной России.

Таким образом, обнаруженные нами единичные примеры произведений в последнее десятилетие XX в., являющие попытки осмысления дельцов нового времени, не свидетельствуют об антропологических открытиях. Жанровая ориентация Кенжеева на мещанский роман определяет художественные принципы безликого и поверхностного изображения идеального предпринимателя и обнажает отсутствие веры в национальное возрождение на момент общественно-политических реформ в постперестроечную эпоху. Обращение автора к жанровому канону мещанского романа, лишённого воздуха, – верное свидетельство невозможности написать «поэму о России» на современном материале. Сентиментальный финал романа Кенжеева, в котором удается спасти фирму Ивана Безуглова от краха и переименовать её в «Иван Безуглов и сыновья», реализует только мещанско-обывательскую мечту Чичикова о передаче своего дела детям, лишённую национально-метафизических смыслов. Уткин, в свою очередь, диагноз эпохе с её новым героем ставит через сюжетное обнажение несостоятельности всей русской классики, расшатывая литературоцентричную модель отечественной реальности.

Более насыщенная рецептивная модель образа Чичикова и чичиковского сюжета представлена в третьей группе выделенных нами произведений. Обратимся к первому яркому примеру – повести О. Славниковой «Бессмертный» (2001), в которой автор пытается художественно осмыслить российские реалии начала 1990-х гг. – от удручающей бытовой повседневности в сложной экономической ситуации до бурной политической жизнью, символом которой стали шумные предвыборные кампании. В повести Славниковой находит отражение случившееся изменение в политическом поле страны в постперестроечный период, когда «коридоры власти заполнились чиновниками на час, циничными дельцами и авантюристами, ориентированными на собственную выгоду и карьеру» [19. С. 13]. Славникова попыталась изобра-

зить не просто хищника в погоне за миллионами, а именно трикстера, нарушителя табу, который своими действиями профанирует «святыни» и тем самым оказывается близок к архетипической природе Чичикова. Сразу следует отметить, что, сосредоточиваясь на образе Чичикова, Славникова не привлекает в свое повествование такие элементы чичиковского сюжета, как образы дороги, возницы, птицы-тройки, но использует такие образы, как мертвая и живая душа, шкатулка и списки.

Двойную художественную оптику Славникова привлекает для изображения бизнесменов-политиков: через узнаваемые социальные типы просвечивает их архетипический и литературный генезис. Шишков, мучительно размышляя о возможных путях решения проблемы «неблагоприятного расклада избирательных симпатий» [20. С. 64], в стратегическую ночь раздумий сидит простуженный в промозглом штабе, и нос его «трубит» в «трепещущий платок» [Там же. С. 68]. Эта деталь отсылает нас к аналогичной в образе Чичикова: «...в приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко <...> нос его звучал, как труба» [21. С. 128]. Фамилия Кругаля, этимологически восходящая к слову «круг», которое могло выступать основой для прозвища пышнотелого человека маленького роста, коррелирует с мотивом круглоты, присутствовавшим в описании внешности Чичикова. Архетипическое начало в образе современных политиков схоже с чичиковским: оно имеет inferнальные корни. Шишков, фамилия которого восходит как к слову «шишко», обозначающему беса, черта, нечистую силу, так и к слову «шиш» в значении «разбойник, грабитель», «бродяга, лихой человек» [22], действует с откровенным хищным цинизмом, предлагая 50 рублей за голос избирателя. В этой вариации политического сюжета в повести Славниковой уже не столько обнажается нечестный способ проведения предвыборной кампании, сколько иронично переворачивается сюжет о продаже души. Не искуситель, измельчавший и опошлившийся, охотится за душами, эквивалентом которых в современном мире стали голоса избирателей, а, наоборот, избиратели стоят к нему длинной очередью.

Если обозначенные выше Шишков и Кругаль являют пример банальной рецептивной модели Чичикова, связанной с изображением нечистоплотного политика, скупающего голоса избирателей и имеющего inferнальный ген, то вторая группа выделенных нами в повести персонажей – пример чичиковской подсветки для осмысления новой формы поведения трикстера в современном обществе. Современный подход к феномену трикстера, формам его проявления в социальных практиках XX и XXI вв., связан с философским осмыслением проблемы трансгрессии в работах Ж. Батая, М. Фуко, Ж. Бодрийера и др. В рассуждениях мыслителей «трансгрессивное начало, актуализирующееся в нарушении запрета смерти, есть не собственно влечение именно к смерти, но, наоборот, преодоление смерти навстречу жизни без ограничений» [23. С. 80]. Трансгрессия, качественно отличающаяся от трансцендирования, в своем стремлении приобрести суверенный внутренний опыт через обращение к пределу остается замкнутой на самой себе, выявляя лишь онтологическую пустоту. Иными словами, осуществляется лишь мнимый выход к сакрально-божественному порядку. В современных исследованиях встречаются наблюдения, определяющие Чичикова как героя трансгрессивного типа,

так как за его предприятием с мертвыми душами «скрываются сложные экспликации подлинно онтологического характера» [24. С. 131], направленные на продление своего пребывания в мире за пределами «собственной телесной смертности» [Там же. С. 131]. Деяние Чичикова в этом направлении «становится онтологической угрозой – агрессивное "я" проникает в границы "других" и осуществляет скрытые манипуляции ими, т.е. ломает сущностную границу, позволяющую функционировать многим системам социального и концептуального порядка» [Там же. С. 132]. Близким к этой чичиковской сущности в повести оказывается, прежде всего, Апофеозов. Апофеозов, фамилия которого этимологически связана с древнегреческим словом, обозначающим обожествление и причисление к лику святых, – харизматичный идол современности, «играющий» уже не на стремлении к моментальному материальному обогащению людей, а на жажде телесного бессмертия, которое он обещает в обмен на голос избирателя. Герой становится возмутителем спокойствия, порождая хаос, который взрывает все устоявшиеся ценностные нормы относительно телесного и духовного, материального и идеального в человеке. Апофеозов, как и Чичиков, представляет ложную форму проявления человеческого духа, выражаемую в повести с помощью ольфакторных мотивов. Одеколон, упоминания о котором включены в структуру образа Чичикова, – это «обонятельное выражение внешней обстоятельности героя (приятности) и в то же время «симулякр» духа, стремления быть» [25. С. 205]. Следом незримого вездесущего присутствия Апофеозова тоже становится запах:

Апофеозов так часто возникал в эфире, что буквально насытил собой воздух, сделавшийся при вдыхании странно щекотным и терпким. Дух Апофеозова витал повсюду, точно сам он умер [20. С. 19].

Оба героя становятся рупором особой жизненной философии. Но если Чичиков молчаливо и бережливо лелеял внутри себя идею мещанского счастья, в основание которого должен был лечь ловким образом приобретенный капитал, то Апофеозов, наоборот, с присущим ему магнетизмом заражает всех своей «жаждой жизни», в которой есть «несокрушимая воля есть, пить, строить похожий на людоедский замок из сказки загородный особняк, открывать в Швейцарии секретные счета» [19. С. 68]. Чичиков, покупая мертвые души, действует с предельной осторожностью, а Апофеозов же в своем стремлении «продать» бессмертие работает публично и открыто. На основании этого сравнения проявляются, с одной стороны, столкновение мещанства «старого» и «нового» типа, с другой стороны, изменение отношения к материальному благосостоянию как единственной цели в жизни. «Фантастической» силы «витальность» Апофеозова позволяет ему спекулировать на ложных духовных потребностях избирателей, жаждущих суррогатных форм бессмертной жизни, полной материального благополучия. Иными словами, единственный чичиковский пример мечты о бессмертии в онтологическом смысле вместе с мещанским счастьем сменяется массовым гипнозом возможного скорейшего материального обогащения, выступающим гарантией счастливой и бесконечной жизни.

Финал гоголевской поэмы коррелировал с традиционным исходом деяний трикстера, которые должны стать предпосылкой к утверждению истинных ценностей после их кощунственного отрицания. В поэме произошло не просто выявление греховного бездуховного состояния мира и человека, но открылась острая необходимость «вдохнуть в них душу», оживить. Стоит также подчеркнуть, что открытый финал поэмы содержал перспективу не только для возрождения Чичикова, но и всего национального мира, «социофизическая реальность» которого была представлена как «особый организм, единый гротескно-метонимический образ телесной души России» [2. С. 182–183]. Неоднозначно Славниковой представлена в повести ответная реакция на трикстерные деяния Апофеозова. С одной стороны, с помощью фольклорных мотивов очередь обманутых избирателей показана оживающей: «...крупной глянцевого вороне, которую поднял с ветки человеческий гвалт, было видно с высоты, как черные ошметки, похожие на какие-то расклеванные остатки потрохов, собираются снова в черное тело, которого становится больше, – и тело оживает, будто сбрызнутое мертвой и живой водой» [19. С. 228].

Но в данном случае ворона – это сниженный вариант Ворона, типичного трикстерного персонажа [25. С. 191], посредника между жизнью и смертью, который в русском фольклоре добывал живую и мертвую воду, оживлявшую былинного героя.

Но даже уподобление очереди коллективному телу, слитность которого обусловлена особым качеством связью, не дает оснований для восстановления истинных границ между духовным и материальным. Представленное в этом эпизоде приобретение обманутыми вкладчиками «бессмертной связи» «между собственными душами» не становится торжеством истинной духовной жизни, а наоборот, выявляет очередную суррогатную форму существования – псевдонародного единства. Ожившее «черное тело» толпы лишено истинной души, внутри него симулякр духа – пустота. Вслед за итальянским режиссером Коммичини, создавшим фильм «Большая пробка», В. Сорокиным, написавшим роман «Очередь», О. Славникова использует «очередь» как одну из метафор времени, лишенного истинных смыслов существования. Удручающая картина псевдонародного единства становится знаком мнимого исторического бессмертия в современной действительности. В повести Славниковой эта формула бессобытийного времени, лишенного подлинного смысла, противостоит формуле исторического бессмертия, символом которой является ветеран Алексей Афанасьевич, «единственной основой для существования которого» [19. С. 36] была победа в Великой Отечественной войне. На этом фоне свойственного Гоголю противопоставления героического прошлого и пошло-прозаического настоящего в повести разворачивается сюжет Алексея Афанасьевича, который ведет борьбу за подлинное бессмертие, желая вырваться из плена консервации в брежневской эпохе.

Сюжет парализованного ветерана неразрывно связан с сюжетными линиями Марины и Клумбы. Марина в отличие от Чичикова не стремится к получению суррогатной формы бессмертия с помощью финансового плутовства, а наоборот, мошенничает, уже имея суррогатную форму бессмертия. Желая продлить жизнь отчима, Марина мыслит не в русле христианской системы ценностей, в которой важное место занимает идея воскрешения, а одер-

жима позитивистским желанием изменить онтологический закон неизбежности смерти. Это устремление Марины проявляется не только в том, что она «обессмертила» отца, но и в ситуации возвращения из мира мертвых других. Например, она успешно скрывает от семьи смерть пьяницы-племянника, создавая иллюзию его «псевдожизни», в которой он излечился от своего недуга и шлет денежные переводы, возвращая свои пьяные долги родственникам. Решение Марины «содержать призраков» [19. С. 90] отрицательно сказывается на содержимом её «шкатулки», в которой она пытается хранить и преумножать свои сбережения «в новой товарно-денежной действительности» [Там же. С. 14]. Шкатулка Марины, как и шкатулка Чичикова, становится метонимическим образом, передающим духовную пустоту современного человека. Она символ позитивистско-экономической формы сохранения и преумножения жизни в пространстве онтологической пустоты.

Второй вариант бытового проявления чичиковского сюжета, лишенного политических и предпринимательских амбиций, но не отказавшегося от онтологических притязаний, связан с работницей собеса, Клумбой, которая «ведет себя, будто свихнувшийся Чичиков, скупающий мертвые души не ради заклада, а ради вечного владения сонмом мертвецов» [Там же. С. 165]. Именно в ее случае оказывается востребованным образ списка, который сформирован инвалидами – «полудохлым населением восемнадцатого участка» [Там же]. Онтологические границы героиня разрушает весьма своеобразным способом. Цена, которую платит Клумба за желаемый «суррогат бессмертия», определяется в её трансгрессивных практиках, направленных не столько к приближению к порогу смерти, сколько к порогу допустимо-переносимой физической боли:

Должно быть, механизм сочувствия был у Клумбы устроен иначе, чем у большинства людей: чужая боль, совершенно минуя душу, действовала на Клумбу физиологически, то есть сразу попадала из чужого больного органа в ее здоровый [Там же. С. 222].

Таким образом, в повести Ольги Славниковой чичиковскую аллюзивную подпитку получили размышления, с одной стороны, о нечистоплотных политиках, которые охотятся за душами современников, измельчавшими до голоса избирателя, с другой стороны, о героях, являющих черты трикстерного поведения современного типа, выражающегося в онтологических притязаниях на установление новых границ между жизнью и смертью. Осмысление феномена трикстера современного типа обуславливает привлечение таких элементов чичиковского сюжета, как мертвая душа, шкатулка и списки. В повести Славниковой эти образы-символы становятся выразителями манипуляции суррогатными формами жизни и бессмертия, которые определяют суть существования современного человека, «добровольно избравшего симулятивное бытие, отодвинувшего от себя онтологию и антропологию, как в позитивном, так и негативном её проявлении» [27. С. 69].

Не теряет своей значимости трикстерный ген Чичикова в образах главных героев в современных произведениях Я. Верова¹ «Господин Чичиков» (2005) и А. Иванова «Блуда и МУДО» (2009). Герой Верова – это бессмертный дух дохристианского происхождения, близкий языческому черту, который в мифологических верованиях отождествлялся с трикстером. Герой Иванова – это версия «трикстера 2.0», порожденного современной ситуацией, но сохранившего верность комизму, лиминальности и приверженности трюкам [28. С. 98]. Оба героя в романах циничны, как и положено трикстеру, но истоки их цинизма различны. Чичиков Верова, побывавший за свою длинную жизнь в различных эпохах и наблюдавший падение человеческих нравов от века к веку, не церемонится в своих суждениях о далеко не идеальной человеческой природе. Истоки цинизма Моржова связаны с кризисом «рационалистического утопизма» [Там же]. Как отмечает С.А. Березовская, «...подобный цинизм, с одной стороны, продиктован разочарованием в идеях Просвещения, а с другой – является специфическим средством выживания в изменчивой, энигматической модерности» [Там же. С. 103]: «...логика причинно-следственных связей не объясняла сполна, как же получается совсем не то, что было запланировано, если всё сделано по правилам?» [29. С. 177]. Но в обоих случаях цинизм героев подобен «самодостаточной игре, заслоняющей прагматику, конкретную выгоду» [30]. В этой циничной игре героев есть место и персонажному поведению [28. С. 110], которое является частью образа современного трикстера, имеющего склонность к театрализации [Там же. С. 103].

Основой «сценария» публичных действий обоих героев является гоголевская поэма. Герой романа Верова, Сергей Павлович Чичиков, скупающий мертвые души у «отцов города», жонглирует цитатами из гоголевской поэмы. Моржов в романе Иванова, по примеру Чичикова проводя аферу с сертификатами для Дома детского творчества, активно использует для называния своих действий собственный глагол «чичить». Ни у одного из авторов тема предпринимательства с вытекающим из неё сюжетом накопления капитала не представлена. Герои лишены жажды материального обогащения. У Верова герой, облаченный в плоть и соответствующую атрибутику нового русского, успешного предпринимателя 90-х гг., себя именуется «ассенизатором» [31. С. 162]: он очищает мир от «мертвяков» и этим спасает души их владельцев, новых «хозяев жизни». Совершенное Моржовым избавление от закрытия Дома детского творчества, несмотря на преследуемую им цель заручиться этой победой для создания новой семейно-социальной общности «фамильной», делает его своеобразным спасителем душ детей в условиях тотальной деградации современного общества.

Таким образом, в обоих романах образ трикстера представлен в амбивалентном ключе, с одной стороны, он циник, а с другой – спаситель. У обоих авторов сквозь сюжет предпринимательской аферы проступает сюжет, связанный со спасительной ролью героя, которая представляет трагедию на мотив мессии в образе гоголевского Чичикова, связанного с темой апостольских деяний. Актуализация Веровым этой грани чичиковского образа обуслови-

---

¹ Ярослав Веров – коллективный псевдоним донецких писателей-фантастов Глеба Владимировича Гусакова и Александра Вячеславовича Христова.

вает присутствие в его произведении таких элементов чичиковского сюжета как образов-символов живой и мертвой души. В романе «Господин Чичиков», как и в гоголевской поэме, образ-символ мертвой души, с одной стороны, это разговор о штатной единице, с другой – это души самих «отцов города». В целом в сатирико-фантастическом романе Верова не столько проверяется возможность праведной жизни бизнесменов, сколько обнажается их готовность к еще большему погружению в бездуховные предпринимательские бездны. Особенно наглядно это можно наблюдать в сюжетном столкновении Чичикова и одного из «отцов города», Паляницы, где происходит инверсия ролей в архетипическом мотиве продажи души дьяволу. Паляница, открывший для себя возможность бессмертия благодаря вечному служению нечистой силе, предлагает свои особые услуги Чичикову. Завершающая эту сделку неисполнимость планов Паляницы иронично подчеркивает «мельчание» и «испорченность» товара «особого свойства» в современной русской действительности, непривлекательность его для темных сил. А сам образ Чичикова, с его пограничным статусом между темными и светлыми силами, определенный как «ассенизатор», – ироничное свидетельство незаинтересованности в душах «отцов города» ни дьявола, ни Бога.

Актуализация в романе образа дороги, сопряженного с кольцевой композицией, начало романа – въезд героя в «губернский города N» и конец – выезд, дает возможность не только представить панораму провинциальных криминальных нравов, но и выявить результаты последствий трикстерных деяний героя. Средство передвижения героя – «трехсотый мерседес» и сопровождающий его водитель Бычок, имя которого имеет криминально-жаргонный генезис, становятся, с одной стороны, маркерами социального мира, а с другой – знаками едкой иронии в отношении возможных форм нарушения спокойствия криминального мира. Сатиру на экзистенциальные переживания о пути национального развития через образы средств передвижения содержит финал романа, описывающий достижения Артема в построении «города добра». По сути, финальный пассаж – это гротескно-утопичное травестирование гоголевской идеи о граде божьем, которая получила особое звучание в «постпоэмных» размышлениях в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Фантастическая канва романа позволяет изобразить сюжет добровольного и осознанного выбора в пользу добра чиновников и предпринимателей – ироничный парафраз на заключительный пассаж гоголевской поэмы об исключительном пути национального развития России:

И кружится в эти минуты его голова, и кажется, что ничего невозможно нет. И посторонятся тогда соседние народы и страны. И удивятся невиданному размаху. И воцарится на Земле такой мир и покой, что, честно сказать, ничего большего и желать будет нечего. Но несется Земля, кружит в космическом мраке и холоде. И нет ей дела до человеческого счастья или горя. Куда-то она, окаянная карусель, нас вынесет? [30. С. 337–338].

Вполне очевидно, что в этом пассаже содержание образов-символов дороги и птицы-тройки идейно снижено и семантически трансформировано.

В романе Верова лирическое начало, содержащееся в гоголевском претексте, полностью замещено сатирическим.

В романе Иванова миссионерский сюжет представлен без актуализации мотива живой и мертвой души, так как он связан с иными формами проявления апостольского потенциала героя. Как уже было отмечено выше, в романе Иванова «Блуда и МУДО» спасителем герой становится «почти» случайно. В определенные моменты он даже подчеркивает свою непричастность к великой цели спасения мира: «А я и не мессия, чтобы мне верить» [29. С. 409]. В то же время он определяет себя «первым апостолом» Щёкина, героя, который является его двойником и озвучивает его мучительные размышления о несовершенстве окружающей действительности. Оксюморонное начало в образе Моржова, циничный спаситель, определяется его трикстерным свойством, которое можно обозначить, используя термины, взятые М. Липовецким из работ Хайда и Митчела. Моржова можно назвать не просто обманщиком или плутом, а «креативным идиотом» (используя выражение Л. Хайда) [30], объединяющим в себе свойства таких на первый взгляд далеких друг от друга персонажей, как «жестокий клоун» и «культурный герой», чья «подрывная деятельность» парадоксальным образом обладает и «культуростроительным» эффектом [Там же]. «Идиотизм» модерного «трикстерства» у Моржова проявляется, прежде всего, в том, что внешне он ведет себя крайне неприязнательно, начиная от манеры одеваться (потертые джинсы, майка и видавшие виды кроссовки) и заканчивая уходом от серьезных ответов с ничего не понимающим лицом якобы по причине врожденной глудости. При этом он обладает предельной степенью самостоятельности как в суждениях, так и поступках. На это вполне очевидно указывает средство его передвижения – велосипед, на котором он колесит по Ковязину, «проворачивая» свои чичиковские аферы. Внешне велосипедная форма передвижения – это символ неприязнтельности героя, что опять же подчеркивает его клоунскую сущность в мире успешных людей. Но внутреннее содержание этой детали связано с предельной индивидуализацией Моржова, имеющего притязание на приобретение своей формулы равновесия в реальности, далекой от идеала. Его спасительная миссия для мира выражается в двух поступках, каждый из которых он совершает с разным пафосом. В операции спасения МУДО с максимальной полнотой проявляется его способность цинично обыгрывать социальную систему, внешне сохраняя верность её установкам и принципам существования. Вся спасительная клоунада героя связана с использованием сценария из гоголевского текста, начиная с собирания сертификатов методами Чичикова и заканчивая сценой проверки работы летнего лагеря, полной намеков на гоголевскую комедию «Ревизор» [32. С. 26]. Иного рода тактику поведения выбирает Моржов, когда пытается восстановить справедливость после гибели проститутки Аленушки. Победа внутри социальной системы, спасение МУДО, могла быть одержана при творческом исполнении роли комического двойника демиурга – трикстера. А деяние в нравственно-этической системе потребовало взять на себя ответственность через исполнение роли истинного культурного героя. В сюжете самосуда, имеющего своей целью проведение именно нравственной ревизии общества, герой «берет на себя миссию Бога» [33].

Таким образом, в рассмотренной нами паре произведений, безусловно разных по своей поэтике, обнажается востребованность чичиковского трикстерного гена. В случае с Веровым можно говорить об архетипической модели трикстерного поведения, уходящего корнями к дохристианскому черту. Но выбранный автором жанр фантастической сатиры подчеркивает беспомощность и безрезультатность деяний чичиковского трикстерства в современной российской действительности, живущей по законам постперестроечной эпохи. Более того, полностью дискредитирован национально-спасительный потенциал трикстерного героя через ироничное снижение содержания таких элементов чичиковского сюжета, как образы-символы мертвой и живой души и птицы-тройки. Роман Иванова, актуализировавший модерный образ трикстера, который во многом связан с поисками новых форм самоидентификации культурного героя, оказывается созвучен поиску «героя времени» и описанию форм его взаимодействия с социальными и нравственно-этическими контекстами реальности. Но поиск «героя времени» лишен национально-миссионерского пафоса. Поэтому у Иванова ключевые элементы чичиковского сюжета оказались не востребованы. Подобную изоляцию героя от комплекса идей национального возрождения во многом можно объяснить тем, что кризис духовности, именуемый в романе кризисом вербальности, осмысливается в глобальном аспекте.

Обозначенное в романе Иванова противопоставление трикстер – пророк получает новое осмысление в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» (2013). Этот роман, являющийся откровенно «гоголевским», поднимает проблему истинного и ложного пророка, привлекая для этого как биографический, так и творческий гоголевский контекст. Положенная с основу романа мистифицированная семейная переписка потомков классика являет мучительный поток размышлений о трагических поворотах российской истории в XX в. вместе с допущением об ином ходе национальной истории, если бы была дописана поэма «Мертвые души». Отсюда сам факт остановки работы Гоголя над поэмой мыслится потомками как роковой и судьбоносный момент для национальной истории. В логике этих рассуждений гоголевских потомков выстраивается неожиданный образ классика с опорой на оппозицию пророк – трикстер. Потомками классика, во-первых, осуждается его пафос творчества, с наибольшей полнотой проявившийся в поэме. Недописанная поэма, обещавшая дать спасительный рецепт для национальной истории, определила появление пустого места в русской словесности, которое пытались занять произведения с ярко выраженными утопическими и идеологическими настроениями: «...дальше, начиная со снов Веры Павловны, бесконечной чередой идут пророки, которые говорят, что знают дорогу в Светлое царство и какое оно на деле» [34. С. 229–230].

Во-вторых, потомки не принимают разрушительную силу таланта классика, присущий ему «духовный вывих», который определил его сосредоточенность на изображении вечного противостояния между добром и злом. В рассуждениях о юморе классика участники переписки подчеркивают его связь с лукавством писателя, который заслонила смехом истинное зло в художественном откровении:

Гоголь играл словами, святая святых, на алтаре мешал Божественное с тварным, оттого все и посыпалось <...> как с этим жить, никто не знал. Чтобы отделить чистое от нечистого, заново освятить жертвенник, ушло много лет и много крови [34. С. 96].

В-третьих, потомки, называя классика «пересмешником», подвергают критике его несостоявшуюся роль спасителя. Ведущие активную переписку герои говорят о чрезмерной театральности последнего жизненного этапа писателя, подчеркивая его недобросовестность исполнения выбранной роли, которая была подобна злой шутке над теми, кто возлагал на него надежды. Иногда даже в рассуждениях об этой особенности есть намеки на самозванство Гоголя:

Мы всегда пугались его совершенно театральной изменчивости <...> То он глумился над Россией, как раньше не смел никто; читая его, мы болели, затем начинали принимать, что в том, что он пишет, много правды, уже готовы засучить рукава, чтобы исправить неприглядное, постыдное, привести отечество, так сказать в божеский вид, – и тут он вдруг объявлял, что речь в «Ревизоре», что в «Мертвых душах» идет не о России, а о его собственной измученной, мятущейся душе <...> [34. С. 110].

В целом в переписке героев предстает крайне противоречивая творческая натура классика, который не смог в полной мере реализовать своё пророческое призвание. Но парадоксальным образом при всех обвинениях Гоголю бесспорным остается факт его исключительной роли в русском общественном сознании. В переписке потомков классика оформляется мысль о совершенно изощренной богооставленности Гоголя, а вслед за ним и России, которая хотела видеть в нем пророка.

Помимо осмысления жизненных фактов творческой биографии Гоголя потомки в свой рецептивный оборот берут также два ключевых произведения: комедию «Ревизор» и поэму «Мертвые души». Рецептивное поле комедии связано с воспоминаниями о семейных постановках, в которых была актуализирована тема ложного пророка в лице Хлестакова [35. С. 17–18]. Осмысление поэмы связано с попытками ее дописывания. Замысел поэмы у потомка Гоголя эволюционирует: сохраняя центральную сюжетную роль за Чичиковым, он изменяет идейно-концептуальный пафос произведения. От «колхозной» утопии на советском материале, на котором планировалось реализовать мечту Гоголя о процветающей аграрной стране, где «бал правит умный распорядительный помещик» [34. С. 87], Николай Гоголь Второй переходит к жизнеописанию духовно переродившегося Чичикова, озадаченного идеей построения Небесного Иерусалима. Писательская установка Шарова на прочтение русской истории через призму Священной истории обуславливает изображение Чичикова пророком, подобным Моисею. В новой версии жизненного пути Чичикова смыкается религиозное и общественное начало, что подчеркивается его общением с революционной элитой в лице Герцена, Бакунина, Чернышевского, Плеханова и др.

Подобная эволюция творческого замысла потомка является своеобразным эхом творческих поисков самого Гоголя, который во время работы над вторым и третьим томом поэмы был на перепутье между экономической доктриной и миссионерской проповедью. Все экономические амбиции, представленные в сохранившихся фрагментах продолжения поэмы, получили резко отрицательную оценку у литературоведа Гвидо Капри, который отметил, что «тотальный отказ от современности характеризует идеологию Гоголя, и регрессия к архаической утопии все теснее сочетается с неприятием развитых форм экономики и с апологией крепостного права» [36]. Повторенный в творческом поиске Николаем Гоголем Вторым вслед за великим классиком уход от экономической доктрины для развития аграрного потенциала страны в направлении религиозно-миссионерских и социальных идей обусловлен логикой развития национальной истории в XX в. Вполне очевидно, что для Шарова фигура Гоголя оказалась привлекательной как пример предтечи «пророков XX в.», поманивших идеей «социального рая». Выявленная потомками особенность Гоголя, чуткость к механизмам организации хаоса национальной жизни, требующей в определенные моменты пророка, который укрепит веру в национальную исключительность и укажет путь национального развития, стала ключевой для Шарова. Именно поэтому герой Шарова изображает Чичикова принимающим идею построения Небесного Иерусалима, который «будет возводить человек сам, своими руками, потом и кровью» [34. С. 312].

Заслуживает внимания также смысловое наполнение образа дороги, сопутствующего образу Чичикова, который вступил в секту бегунов, отрицавших любые формы оседлости и только в вечном движении находивших силы для борьбы со злыми кознями антихриста. Сюжет вечного движения, перетекающий в сюжет вечного возвращения через смысловую оппозицию «исход из Египта – возвращение в Египет», выражает комплекс историософских взглядов Шарова, в которых центральное место принадлежит идее цикличности русской истории.

Таким образом, в романе В. Шарова через оппозицию трикстер – пророк на гоголевском материале решаются историко-философские вопросы, ориентированные на осмысление травматического опыта русской истории XX в.

Подводя итог, можно сказать, что востребованным в современной прозе оказался пограничный характер образа Чичикова, существующего между функциями спасителя и искусителя, пророка и трикстера. Несмотря на соблазн, современная проза не сделала русского предпринимателя постперестроечной эпохи ключевым литературным героем. Современная проза, отказавшись от развития этой рецептивной модели образа Чичикова, так как неизбежно оказалась бы в ловушке того обстоятельства, что «наше общество и наше государство издревле устроено таким образом, что не захочешь, а украдешь» [11], сосредоточилась на осмыслении онтологических (О. Славникова), социальных и нравственно-этических (Я. Веров, А. Иванов), историософских (В. Шаров) слоев образа Чичикова. Очевидно, что современные авторы оказались весьма избирательны относительно элементов чичиковского сюжета. Ни одно из рассмотренных нами произведений совершенно не претендует на создание текста, подобного поэме «Мертвые души», в которой классику

«мечталось» явить путь национального возрождения. Образ Чичикова взят в «очищенном» от поэзных струй авторского миссионерского пафоса виде, за исключением романа В. Шарова. Но шаровская мистификация с «дописыванием» поэмы – это, скорее, развенчание мифов о состоятельности писателей и их возможных героев быть пророками. В целом во всех рассмотренных нами текстах, созданных на материале современной российской действительности, представлена попытка «вглядеться» в лицо «героев времени» и их окружение. Это попытка «разглядывания» «героев времени» через призму гоголевского текста сопряжена с размышлениями о судьбе универсалии «культурный герой» в ситуации релятивизации онтологических, гносеологических, этических и многих других установок.

Литература

1. Боярских О.В. Прецедентные феномены со сферой-источником «Литература» в дискурсе российских печатных СМИ (2004–2007 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Нижний Тагил, 2008. 230 с.
2. Гончаров С.А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. 338 с.
3. Вайскопф М. Сюжет Гоголя. Морфология. Идеология. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2002. 689 с.
4. Гольденберг А.Х. Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. Волгоград: Перемена, 2007. 261 с.
5. Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М.: Сов. писатель, 1991. 489 с.
6. Набоков Вл. Лекции по русской литературе. СПб.: Азбука классика, 2010. С. 43–101.
7. Мелетинский М.Е. О литературных архетипах. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1994. 136 с.
8. Николаев Н.И., Швецова Т.В. Русская литература 30–40-х гг. XIX в.: «Ожидание героя» // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2014. №3 (29). С. 125–142.
9. Бондаренко В.А. Тип «делового человека» и проблема социальной вины в русской литературе 1840–1890-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 19 с.
10. Парамонов Б.М. Возвращение Чичикова // Независимая газета. 1991. № 106. 10 сент.
11. Пьецух В. Русаки // Октябрь. 2007 № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2007/11/p4.html> (дата обращения: 17.04.2017).
12. Елистратов В. Чичиков и ипотечное кредитование: к метафизике финансового кризиса // Знамя. 2009. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/7/el18.html> (дата обращения: 17.04.2017).
13. Латынина Ю. «Патент на благородство»: выдаст ли его литература капиталу?» // Новый мир. 1993. № 11. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/11/latin.html (дата обращения: 17.04.2017).
14. Славникова О. Проигравшее время // Дружба народов. 2000. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhiba/2000/1/slavnik-pr.html> (дата обращения: 17.04.2017).
15. Кенжеев Бахыт. Иван Безуглов. Мещанский роман // Знамя. 1993. № 1, 2. С. 62–109, С. 79–129.
16. Сапченко Л.А. Постмодернистская трансформация гоголевских мотивов в мещанском романе Бахыта Кенжеева «Иван Безуглов». URL: <http://domgogolya.ru/science/researches/1530/> (дата обращения: 17.04.2017).
17. Этимологический словарь Фасмера. URL: <https://vasmer.lexicography.online/разуваев> (дата обращения: 17.04.2017).
18. Уткин А. Самоучки // Новый мир. 1998. № 12. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/12/utkin.html (дата обращения: 17.04.2017).

19. *Левада Ю.А.* Социальные типы переходного периода: попытка характеристики // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 2. С. 9–15.
20. *Славникова О.* Бессмертный. М.: Вагриус, 2004. 270 с.
21. *Гоголь Н.В.* Мертвые души // Полн. собр. соч.: в 14 т. М., 1951. Т. 6. 624 с.
22. *Этимологический словарь Фасмера.* URL: <https://vasmer.lexicography.online/> /ш/шиш (дата обращения: 17.04.2017).
23. *Каитанова С.М.* Трансгрессия как социально-философское понятие: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2016. 203 с.
24. *Третьяков Е.О.* Образ Чичикова как онтологическая загадка: феномен энигматического характера танатологии «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // Имагология и компаративистика. 2016. № 1 (3). С. 127–142.
25. *Хомук Н.В.* Ольфакторные мотивы в художественной прозе Н.В. Гоголя // Н.В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепция). Томск, 2007. Вып. 1. С. 187–213.
26. *Левин-Стросс К.* Структура мифов // Структурная антропология. М., 1985. С. 183–208.
27. *Полева Е.А.* Человек иллюзий и настоящий человек в обществе потребления: к проблематике повести О.А. Славниковой «Бессмертный» // Филологический класс 2016. № 2 (44). С. 65–69.
28. *Березовская С.С.* Культурный герой как универсалия культуры: опыт типизации: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2016. 130 с.
29. *Иванов В.* Блуда и МУДО. СПб.: Азбука, 2011. 408 с.
30. *Липовецкий М.* Трикстер и закрытое общество // Новое лит. обозрение. 2009. № 100. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html> (дата обращения: 17.04.2017).
31. *Веров Я.* Господин Чичиков. М.: Снежный КоМ, 2012. 340 с.
32. *Баль В.Ю.* Гоголевская традиция и тема героя времени в романе А. Иванова «Блуда и МУДО» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2015. № 391. С. 21–29.
33. *Плеханова И.И.* Переконструкция, или Игра как базовый принцип позитивной эпистемологии // Современность в зеркале рефлексии: язык – культура – образование: матер. Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию Иркут. гос. ун-та и ф-та филологии и журналистики, Иркутск, 6–9 октября 2008 г. Иркутск, 2009. С. 389–401. URL: <http://ellib.library.isu.ru/showdoc.php?id=6697> (дата обращения: 17.04.2017).
34. *Шаров В.А.* Возвращение в Египет. М.: АСТ, 2013. 759 с.
35. *Баль В.Ю.* Гоголевская традиция в контексте ветхозаветного сюжета «исхода» в романе В. Шарова «Возвращение в Египет» // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 383. С. 13–21.
36. *Капу Г.* Гоголь – экономист. Второй том «Мертвых душ» // Вопр. литературы. 2009. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/ka14.html> (дата обращения: 17.04.2017).

THE IMAGE OF CHICHIKOV IN MODERN RUSSIAN PROSE

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2017. 49. 147–167. DOI: 10.17223/19986645/49/10

Vera Yu. Bal, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: balverbal@gmail.com

Keywords: N.V. Gogol, *Dead Souls*, image of Chichikov, receptive aesthetics, trickster.

The article considers the reception of Chichikov's image in modern Russian prose of the end of the 20th century and the beginning of the 21st century.

The reception of Chichikov's image is considered in the complex of all the elements of the Chichikov plot: the topos of the road and the images-symbols of the "voznitsa", the "brichka", "pitisa troyka", the caskets, the alive and dead soul.

Three groups of texts are taken for analysis. The first group is journalistic texts (B. Paramonov's "Vozvrashchenie Chichikova" [The Return of Chichikov] (1991), A. Latynina's "Patent na blagorodstvo": *vydast li ego literatura kapitalu?* [Patent for nobility: will literature give it to the capital?] (1993), V. Pyetsukh's "Russaki" [Russians] (2007), V. Elistratov's "Chichikov i ipotechnoe kredi-

тование: k metafizike finansovogo krizisa” [Chichikov and mortgage lending: on metaphysics of financial crisis] (2009)) which concentrate on the comprehension of the problem of demand of the Chichikov type in new Russian social and economic reality. In these texts, the reception of the image of Chichikov is connected with reflections about the coming of a new Chichikov reality in Russia, with its economy changing in the 1990s and with the arising new type of the “purchaser-swindler”.

The second group is the artistic texts of the first post-perestroika decade (B. KENZHEYEV’s *Ivan Bezuglov, Meshchansky roman* [Ivan Bezuglov. A Philistine Novel] (1993) and A. UTKIN’s *Samouchki* [A Self-Learners] (1998)) which are the first attempts to understand the “real” time and its hero. In the context of these works, the author makes an attempt to comprehend businessmen of the modern era based on the allusions of Gogol’s character.

The third group is the artistic texts of the first third of the 21st century, which are united, on the one hand, by the problem of the “hero of the time”, and by the significance of the text of Gogol’s poem in their semantic space, on the other hand (O. SLAVNIKOVA’s *Bessmertnyy* [The Immortal] (2001), Ya. VEROV’s *Gospodin Chichikov* [Mr. Chichikov] (2012), A. IVANOV’S *Bluda and MUDO* (2011), V. SHAROV’S *Return to Egypt* (2013)). These works are characterized by a general receptive model of Gogol’s character, which is related to the image of the trickster, its archetypal and modern characteristics. In the works of modern authors, the trickster gene in the image of Chichikov serves as the starting point for thinking about the heroes of the time through the opposition of a true and false prophet, a savior and tempter. Each of the modern authors actualizes their own levels of meanings in this opposition: ontological (O. Slavnikova), social and moral-ethical (Ya. Verov, A. Ivanov), historiosophical (V. Sharov).

In general, the examined texts, based on the material of contemporary Russian reality, present an attempt to “peer” into the face of the “heroes of the time” and their entourage. This circumstance is due to the fact that Gogol’s character is important as a starting point in reflections about the cultural hero, the situation of the relativization of ontological, epistemological, ethical and many other orientations, not the need for moral-utopian projects for the nation.

References

1. Boyarskikh, O.V. (2008) *Pretsedentnye fenomeny so sferoy-istochnikom “Literatura” v diskurse rossiyskikh pechatnykh SMI (2004–2007 gg.)* [Precedent phenomena with the source sphere “Literature” in the discourse of Russian print media (2004–2007)]. Philology Cand. Diss. Nizhny Tagil.
2. Goncharov, S.A. (1997) *Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol’s works in a religious-mystical context]. St. Petersburg: RSPU.
3. Weisskopf, M. (2002) *Syuzhet Gogolya: Morfologiya. Ideologiya. Kontekst* [Gogol’s plot: Morphology. Ideology. Context]. Moscow: RSUH
4. Gol’denberg, A.Kh. (2007) *Arkhetipy v poetike N. V. Gogolya* [Archetypes in the poetics of N.V. Gogol]. Volgograd: Peremena.
5. Merezkovskiy, D.S. (1991) *V tikhom omute; Stat’i i issledovaniya raznykh let* [In still waters; Articles and studies of different years]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
6. Nabokov, V. (2010) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. St. Petersburg: Azbuka klassika. pp. 43–101.
7. Meletinskiy, M.E. (1994) *O literaturnykh arkhetipakh* [About literary archetypes]. Moscow: RSUH.
8. Nikolaev, N.I. & Shvetsova, T.V. (2014) Russian literature of the 1830-1840s. “Awaiting a hero”. *Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (29). pp. 125–142. (In Russian).
9. Bondarenko, V.A. (2012) *Tip “delovogo cheloveka” i problema sotsial’noy viny v russkoy literature 1840-kh - 1890-kh gg.* [The type of “business man” and the problem of social guilt in Russian literature of the 1840s–1890s]. Abstract of Philology Cand. Diss. Voronezh.
10. Paramonov, B.M. (1991) *Vozvrashchenie Chichikova* [The Return of Chichikov]. *Nezavisimaya gazeta*. 106. 10 September.
11. P’etsukh, V. (2007) Russaki [Russians]. *Oktyabr’*. 11. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/october/2007/11/p4.html>. (Accessed: 17.04.2017).

12. Elistratov, V. (2009) Chichikov i ipotechnoe kreditovanie: k metafizike finansovogo krizisa Chichikov and mortgage lending: on metaphysics of financial crisis]. *Znamya*. 7. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/znamia/2009/7/el18.html>. (Accessed: 17.04.2017).
13. Latynina, Yu. (1993) "Patent na blagorodstvo": vydadit li ego literatura kapitalu? [Patent for nobility: will literature give it to the capital?]. *Novyy mir*. 11. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1993/11/latin.html. (Accessed: 17.04.2017).
14. Slavnikova, O. (2000) Proigravshee vremya [The Lost Time]. *Druzhba narodov*. 1. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2000/1/slavnik-pr.html>. (Accessed: 17.04.2017).
15. KENZHEYEV, B. (1993) Ivan Bezuglov. Meshchanskiy roman [Ivan Bezuglov. A Philistine Novel]. *Znamya*. 1, 2. pp. 62–109, pp. 79–129.
16. Sapchenko, L.A. (2006) Postmodernistskaya transformatsiya gogolevskikh motivov v meshchanskom romane Bakhyta Kenzheeva "Ivan Bezuglov" [Postmodern transformation of Gogol's motifs in Bakhyt Kenzheyev's philistine novel "Ivan Bezuglov"]. [Online] Available from: <http://domgogolya.ru/science/researches/1530/>. (Accessed: 17.04.2017).
17. Vasmer, M. (2006) *Etimologicheskii onlain-slovar' russlogo yazyka Fasmera* [Vasmer's etymological online dictionary of Russian]. [Online] Available from: <https://vasmer.lexicography.online>. (Accessed: 17.04.2017).
18. Utkin, A. (1998) Samouchki [Self-Learners]. *Novyy mir*. 12. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1998/12/utkin.html. (Accessed: 17.04.2017).
19. Levada, Yu.A. (1997) Sotsial'nye tipy perekhodnogo perioda: popytka kharakteristiki [Social types of the transition period: an attempt to characterize]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2. pp. 9–15.
20. Slavnikova, O. (2004) *Bessmertnyy* [The Immortal]. Moscow: Vagrius.
21. Gogol, N.V. (1951) *Mertvye dushi* [Dead Souls]. In: *Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [Complete works: in 14 vols]. Vol. 6. Moscow.
22. Vasmer, M. (2006) *Etimologicheskii onlain-slovar' russlogo yazyka Fasmera* [Vasmer's etymological online dictionary of Russian]. [Online] Available from: <https://vasmer.lexicography.online/%D1%88/%D1%88%D0%B8%D1%88>. (Accessed: 17.04.2017).
23. Kashtanova, S.M. (2016) *Transgressiya kak sotsial'no-filosofskoe ponyatie* [Transgression as a socio-philosophical concept]. Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg.
24. Tret'yakov, E.O. (2015) The image of Chichikov as an ontological mystery: the phenomenon of enigmatic character of the thanatology of Dead Souls by N.V. Gogol. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 1 (3). pp. 127–142. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/3/8
25. Khomuk, N.V. (2007) Ol'faktornye motivy v khudozhestvennoy proze N.V. Gogolya [Olfactory motifs in the artistic prose of N.V. Gogol]. In: Khomuk, N.V. (ed.) *N.V. Gogol' i slavyanskiy mir (russkaya i ukrainskaya retseptsiya)* [N.V. Gogol and the Slavic world (Russian and Ukrainian reception)]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
26. Levi-Strauss, C. (1985) *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Translated from French by V.V. Ivanov. Moscow: Eksmo-Press. pp. 183–208.
27. Poleva, E.A. (2016) A person of illusion and a person of reality in the consumer society: about the problematics of the novella by O.A. Slavnikova "Immortal" [Bessmertniy]. *Filologicheskii klass*. 2 (44). pp. 65–69. (In Russian).
28. Berezovskaya, S.S. (2016) *Kul'turnyy geroy kak universal'nyy kul'tury: opyt tipizatsii* [The cultural hero as a culture universal: the experience of typification]. Philosophy Cand. Diss. Tomsk.
29. Ivanov, V. (2011) *Bluda i MUDO* [Bluda and MUDO]. St. Petersburg: Azbuka.
30. Lipovetskiy, M. (2009) Triksler i zakrytoe obshchestvo [Trickster and the closed society]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 100. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/li19.html>. (Accessed: 17.04.2017).
31. Verov, Ya. (2012) *Gospodin Chichikov* [Mr. Chichikov]. Moscow: Snezhnyy KoM.
32. Bal, V.Yu. (2015) Gogol tradition and the theme of the hero of time in A. Ivanov's novel Bluda i Mudo. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 391. pp. 21–29. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/391/3
33. Plekhanova, I.I. (2009) [Reconstruction, or play as a basic principle of positive epistemology]. *Sovremennost' v zerkale refleksii: yazyk – kul'tura – obrazovanie* [Modernity in the reflection mirror: Language – Culture – Education]. Proceedings of the conference. Irkutsk. 6–9 October 2008. Irkutsk. pp. 389–401. [Online] Available from: <http://ellib.library.isu.ru/showdoc.php?id=6697>. (Accessed: 17.04.2017). (In Russian).

34. Sharov, V.A. (2013) *Vozvrashchenie v Egipet* [Return to Egypt]. Moscow: AST.
35. Bal, V.Yu. (2014) Gogol tradition in the context of the Old Testament story of the Exodus in the novel Return to Egypt by V. Sharov. *Vestn. Tom. gos. un-ta – Tomsk State University Journal*. 383. pp. 13–20. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/383/2
36. Capri, G. (2009) Gogol' – ekonomist. Vtoroy tom "Mertvykh dush" [Gogol the economist. The second volume of Dead Souls]. *Voprosy literatury*. 3 [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/3/ka14.html>. (Accessed: 17.04.2017).